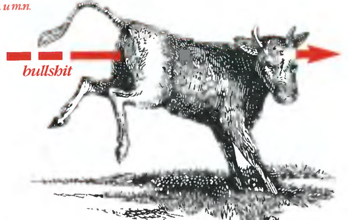
Гарри Г. Франкфурт

ON BULLSHIT

ЛОГИКО-ФИЛОСОФСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ [redacted]

о брехне

туфте
пурге
лабуде
дребедени
очковтирательстве
и т.д. и т.п.

Harry G. Frankfurt

on bullshit

Princeton University Press
Princeton and Oxford
2005

Серия «Идеологии»

Гарри Г. Франкфурт

к вопросу о брехне

логико-философское исследование

Москва
Издательство «Европа»
2008

УДК 81-2
ББК 81 2Англ
Ф 48

Серия «Идеологии» основана в 2005 году

Главный редактор *Глеб Павловский*
Директор *Вячеслав Глазычев*
Перевод с английского *Михаила Ослона*

Гарри Г. Франкфурт
Ф 48 К вопросу о брехне / Пер с англ М Ослона, под ред Г Павловского, И Чечель – М Издательство «Европа», 2008 – 120 с – (Идеологии)

УДК 81-2
ББК 81 2Англ

ISBN 978-5-9739-0158-5

от издателей

В это лето слоганом американских медиа стало: «Hillary didn't lose – Barack won». Так вот, Франкфурту не проигрываешь – выигрывает он. Бросовое занятие «брехни», затерянное в массе сплетен, рукопожатий и переглядываний, вынесено на философский позор без тени эмоции. «Брехня»? «Хрень»? «Фуфло»? Что ж, разглядим анатомию беды.

Впрочем, впервые столкнувшись с текстом, этого не осознаешь. Семь неудачных переводов классных лингвистов и переводчиков уверяют тебя, что здесь – что-то не так. Ты не последняя и не первая по счету жертва Гарри Франкфурта и «Брехни». Вот очередной пациент меланхолично рассуждает о невозможности перевода заглавия. Арго, вроде «фуфла» и множества иных эквивалентов «bullshit», испробованы зря. Обсуждена и доказана необходимость отказа от матерных «звездочек» и прочей х**ни. Дальше – больше. Гуру надрывно за-

веряют, что твой исход – *«чушь собачья»*. «Словарь! Лучший лонгмановский словарь у меня на руках!» «Попробуйте фигню, понты, ахинею, вздор, заумь, бредни на худой конец!» Никто, кроме пациента, не знает: старик-янки педантичен, по-школьнически сух и безыскусен. Зависеть от него в переводе – ну не bullshit ли? Галиматья... ерунда... околесица... – текст Франкфурта стилизуется, шлифуется, страшно и ласково сияет – почти то, что нужно, если б не диковатые на этом фоне наукообразные термины: «антиреалистические доктрины», «точная картина мира», «объективное исследование» или вот еще – «скептицизм».

Гарри Гордон Франкфурт, профессор философии в Йеле, в 2005 году прославился не первым в его карьере монографическим casus belli – призывом исследовать и по возможности исчерпывающе обозначить неходовое в науке понятие «Bullshit!». Суть исследования – попытка рассмотреть философские референты претенциозности мышления и действия, пригвоздившей современный мир к нужде *обязательно* фальшивить – искренне и убежденно лгать. Франкфуртом последовательно исследуются различные виды претенциозности, вплоть до «гражданской позиции» демократического активиста и дискурса ученого-постмодерниста, убежденного в «искренности соответствия» реальности личного сознания, не поглощенного «мифами правды».

Вердикт автора лаконичен и бесстрастен: в мире возник могучий запрос на *иную ложь*, не заинтересованную в действительности. Ее признаки – диктат общеобязательных консенсусов социума – «антиреализма», отрекающегося от вещей «как они есть на самом деле»; «демократичности», якобы «всеобщего» знания, не обусловленного фактами; культа «личных мнений» человека и гражданина, не определяемых ни его представлениями о правде, ни ответственностью познающего.

Опасность этой тенденции, собственно, и выделена, так сердито акцентированная заглавием философа. Его интересуют не ложь и хвори современной цивилизации, а их состоявшиеся плоды – *обиходность и натурализм зла*, – небрежность к подлинной природе вещей, халатность слова и мутная нерадивость дела.

Но уступаю читателю право судить! От «Брехни» категорически противопоказано ждать как высокого академизма, так и раскованной стилистической игры в опровержения. Ждите скрытого сарказма в перечислении улик, свойственных классике жанра: обвинительному заключению.

Ирина Чечель

One of the most salient features of our culture is that there is so much bullshit. Everyone knows this. Each of us contributes his share. But we tend to take the situation for granted. Most people are rather confident of their ability to recognize bullshit and to avoid being taken in by it. So the phenomenon has not aroused much deliberate concern, nor attracted much sustained inquiry.

In consequence, we have no clear understanding of what bullshit is, why there is so much of it, or what functions it serves. And we lack a conscientiously developed appreciation of what it means to us. In other words, we have no theory. I propose to begin the development of a theoretical understanding of bullshit, mainly by providing some tentative and exploratory philosophical analysis. I shall not

Одной из наиболее заметных черт нашей культуры является изобилие **брехни***. Мы все это знаем, мы все в этом участвуем, но склонны принимать это как данность. Большинство людей не сомневаются в способно-

* В оригинале bullshit. Это многозначное слово может еще соответствовать русским «чушь», «туфта», «лажа», «треп», а также нецензурным «хуйня», «пиздеж» Мы решили не прибегать к нецензурным русским аналогам, так как они, на наш взгляд, не соответствуют стилистическому регистру английского bullshit В английском языке это слово не считается чрезмерно грубым Кроме того, оно бытует в языке уже около века, поэтому привычно для всех поколений читателей, в отличие, например, от русского «туфта» Мы остановились на слове **брехня** еще и потому, что в русском языке имеется однокоренной глагол (брехать) и имя деятеля (брехун), подходящие для перевода соответствующих английских слов (to bullshit, bullshitter). – *Здесь и далее звездочкой отмечены примечания переводчика*

consider the rhetorical uses and misuses of bullshit. My aim is simply to give a rough account of what bullshit is and how it differs from what it is not—or (putting it somewhat differently) to articulate, more or less sketchily, the structure of its concept.

Any suggestion about what conditions are logically both necessary and sufficient for the constitution of bullshit is bound to be somewhat arbitrary. For one thing, the expression *bullshit* is often employed quite loosely—simply as a generic term of abuse, with no very specific literal meaning. For another, the phenomenon itself is so vast and amorphous that no crisp and perspicuous analysis of its concept can avoid being procrustean. Nonetheless it should be possible to say something

сти распознать **брехню**, не дав себя одурачить. В общем, этот феномен почти не вызывал осознанного интереса и не подвергся систематическому изучению.

В итоге у нас нет ясного понимания того, что такое **брехня**, почему ее столько и каковы ее функции. Мы не выработали продуманной оценки всего того, что она для нас значит. Иными словами, у нас нет теории. В данной работе я подвергаю понятие **брехни** предварительному, пробному философскому анализу, с помощью которого предполагаю заложить основы для его теоретического осмысления. Я не буду обсуждать риторические варианты употребления **брехни** и злоупотребления ею. Моя цель – дать приблизительное описание того, что такое **брехня** и в чем ее отличие от **не-брехни**, или, другими словами, обрисовать – более или менее примерно – структуру ее концепта.

Любая формулировка необходимых и достаточных условий для отождествления чего-либо с **брехней** обречена на некоторую произвольность. Во-первых, это связано с порой весьма размытым значением самого слова: его часто употребляют как ругательство,

helpful, even though it is not likely to be decisive. Even the most basic and preliminary questions about bullshit remain, after all, not only unanswered but unasked.

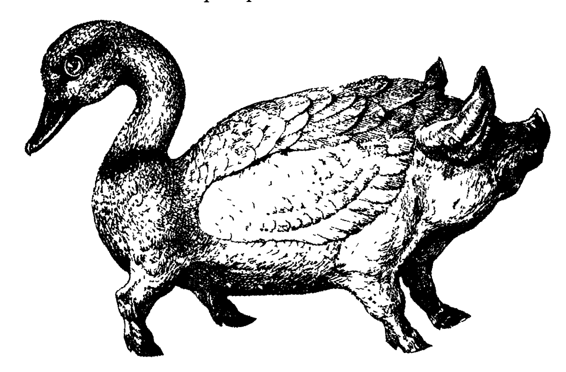
So far as I am aware, very little work has been done on this subject. I have not undertaken a survey of the literature, partly because I do not know how to go about it. To be sure, there is one quite obvious place to look—the *Oxford English Dictionary*. The *OED* has an entry for *bullshit* in the supplementary volumes, and it also has entries for various pertinent uses of the word *bull* and for some related terms. I shall consider some of these entries in due course. I have not consulted dictionaries in languages other than English, because I do not know the words for bullshit or bull in any other language. Another worthwhile source is the title essay in *The Prevalence of Humbug* by Max Black[1]. I am uncertain just how close in meaning the word *humbug* is to the word *bullshit*. Of course, the words are not freely and fully interchangeable; it is clear that they are used differently. But the difference appears on the whole to have more to do with considerations of gentility, and certain other

лишенное конкретной смысловой нагрузки. Во-вторых, соответствующее явление так обширно и аморфно, что сколь бы трезвым и проницательным ни был анализ, он неизбежно сужает границы предмета рассмотрения. Но кое-что на эту тему все-таки сказать можно (хотя это вряд ли станет решающим словом) – ведь даже самые элементарные вопросы о **брехне** не только не получили ответа, но и до сих пор не поставлены.

Насколько мне известно, в этой области сделано крайне мало. Я не исследовал литературу, частично потому, что не знаю, где ее искать. Куда прежде всего надо заглянуть – это «Оксфордский словарь английского языка». В одном из его дополнительных томов есть статья *bullshit*, а также статьи о различных употреблениях (важных для нас) слова *bull* и некоторых других слов. Об этом речь пойдет ниже. Я не обращался к словарям других языков, так как не знаю ни одного иноязычного аналога слова *bullshit* (*bull*). Другой полезный источник – титульное эссе в книге Макса Блэка «Господство надувательства»[1]. Не могу с уверенностью сказать, насколько близки по значению слова *bullshit*

rhetorical parameters, than with the strictly literal modes of significance that concern me most. It is more polite, as well as less intense, to say «Humbug!» than to say «Bullshit!» For the sake of this discussion, I shall assume that there is no other important difference between the two.

Black suggests a number of synonyms for *humbug*, including the following: *balderdash*, *claptrap*, *hokum*, *drivel*, *buncombe*,

imposture, and *quackery*. This list of quaint equivalents is not very helpful. But Black also confronts the problem of establishing the nature of

(**брехня**) и *humbug* (надувательство, обман, вздор). Эти слова, конечно, не всегда и не вполне взаимозаменимы – ясно, что используются они по-разному. Однако отличия в их употреблении представляются связанными скорее с изяществом слога и иными стилистическими соображениями, чем с точными значениями этих слов, которые меня более всего интересуют. Сравните, например, реплики «Брехня!» («Bullshit!») и «Вздор!» («Humbug!»): последнее куда благопристойнее и не так «сильно». Но для наших целей этими отличиями можно пренебречь, и ниже они не будут приниматься во внимание.

Блэк предлагает ряд синонимов для слова *humbug*, в том числе: *balderdash* (галиматья, ахинея и т. п.), *claptrap* (трескотня, показуха), *hokum* (дешевая риторика), *drivel* (белиберда, околесица и т. п.), *buncombe* (пустословие), *imposture* (подлог, самозванство) и *quackery* (шарлатанство). Этот список диковинных синонимов мало что проясняет. Поэтому Блэк также пытается и более прямо подойти к выявлению природы «надувательства», предлагая следующее формальное определение:

humbug more directly, and he offers the following formal definition:

> HUMBUG: deceptive misrepresentation, short of lying, especially by pretentious word or deed, of somebody's own thoughts, feelings, or attitudes[2].

A very similar formulation might plausibly be offered as enunciating the essential characteristics of bullshit. As a preliminary to developing an independent account of those characteristics, I will comment on the various elements of Black's definition.

Deceptive misrepresentation: This may sound pleonastic. No doubt what Black has in mind is that humbug is necessarily designed or intended to deceive, that its misrepresentation is not merely inadvertent. In other words, it is *deliberate* misrepresentation. Now if, as a matter of conceptual necessity, an intention to deceive is an invariable feature of humbug, then the property of being humbug depends at least in part upon the perpetrator's state of mind. It cannot be identical, accordingly, with any properties—either inherent or relational—belonging

> НАДУВАТЕЛЬСТВО (humbug) – граничащее с ложью искажение собственных мыслей, чувств или взглядов для введения в заблуждение, в особенности сопровождаемое претенциозностью на словах или на деле[2].

Весьма схожее определение, видимо, приемлемо и для характеристики главных свойств **брехни**. Прежде чем приступить к отдельному рассмотрению этих свойств, разберем составные части определения Блэка.

Искажение с целью введения в заблуждение. Это похоже на плеоназм. Блэк несомненно имеет в виду, что «надувательство» неизбежно призвано обмануть, что это *искажение* – не плод небрежности или оплошности; иными словами, оно *умышленно.* Таким образом, если намерение обмануть является неизменным атрибутом надувательства как класса утверждений, то свойство некоторого утверждения, состоящее в принадлежности к этому классу, определяется, по крайней мере отчасти, умыслом его автора. Соответственно это свойство не может совпадать ни с какими другими – внутренними или внешними – свойствами самого утверждения, с помощью которо-

just to the utterance by which the humbug is perpetrated. In this respect, the property of being humbug is similar to that of being a lie, which is identical neither with the falsity nor with any of the other properties of the statement the liar makes, but which requires that the liar makes his statement in a certain state of mind—namely, with an intention to deceive.

It is a further question whether there are any features essential to humbug or to lying that are *not* dependent upon the intentions and beliefs of the person responsible for the humbug or the lie, or whether it is, on the contrary, possible for any utterance whatsoever to be—given that the speaker is in a certain state of mind—a vehicle of humbug or of a lie. In some accounts of lying there is no lie unless a false statement is made; in others a person may be lying even if the statement he makes is true, as long as he himself believes that the statement is false and intends by making it to deceive. What about humbug and bullshit? May any utterance at all qualify as humbug or bullshit, given that (so to speak) the utterer's heart is in the right place, or must the utterance have certain characteristics of its own as well?

го «надувают». В этом смысле свойство «это – надувательство» схоже со свойством «это – ложь» и неотождествимо ни с ложностью, ни с иными свойствами утверждения лжеца; оно лишь предполагает, что лжец делает это утверждение с определенным умыслом, а именно с намерением обмануть.

Другой вопрос – есть ли у надувательства или лжи такие неотъемлемые свойства, которые *независимы* от намерений или убеждений надувателя или лжеца, или же, наоборот, надувательство или ложь могут содержаться в любом высказывании при определенном умысле говорящего? Согласно одним толкованиям, ложь возникает лишь как результат ложного утверждения. Согласно другим, человек может лгать, даже если

Short of lying: It must be part of the point of saying that humbug is «short of lying» that while it has some of the distinguishing characteristics of lies, there are others that it lacks. But this cannot be the whole point. After all, every use of language without exception has some, but not all, of the characteristic features of lies—if no other, then at least the feature simply of being a use of language. Yet it would surely be incorrect to describe every use of language as short of lying: Black's phrase evokes the notion of some sort of continuum, on which lying occupies a certain segment while humbug is located exclusively at earlier points. What continuum could this be, along which one encounters humbug only before one encounters lying? Both lying and humbug are modes of misrepresentation. It is not at first glance apparent, however, just how the difference between these varieties of mis-

его утверждение истинно, но сам он считает его ложным и тем самым пытается ввести других в заблуждение. А как обстоит дело с надувательством или **брехней**? Можно ли вообще любое высказывание счесть надувательством или **брехней** только потому, что его автор некомпетентен и, не кривя душой, так сказать, «честно» не владеет материалом? Или же такое высказывание должно к тому же обладать и какими-то особыми свойствами?

Граничащее с ложью. Это может, в частности, значить, что у «надувательства» имеются какие-то из отличительных черт лжи, но не весь их набор. Однако Блэк вряд ли имел в виду только это. Ведь всякий без исключения случай применения языка разделяет с ложью какие-то (но не все!) свойства – хотя бы, например, сам факт применения языка. Но, конечно, неверно было бы любое применение языка считать «граничащим с ложью»:

representation might be construed as a difference in degree.

Especially by pretentious word or deed: There are two points to notice here. First, Black identifies humbug not only as a category of speech but as a category of action as well; it may be accomplished either by words or by deeds. Second, his use of the qualifier «especially» indicates that Black does not regard pretentiousness as an essential or wholly indispensable characteristic of humbug. Undoubtedly, much humbug is pretentious. So far as concerns bullshit, moreover, «pretentious bullshit» is close to being a stock phrase. But I am inclined to think that when bullshit is pretentious, this happens because pretentiousness is its motive rather than a constitutive element of its essence. The fact that a person is behaving pretentiously is not, it seems to me, part of what is required to make his utterance an instance of bullshit. It is often, to be sure, what accounts for his making that utterance. However, it must not be assumed that bullshit always and necessarily has pretentiousness as its motive.

Misrepresentation ... of somebody's own thoughts, feelings, or attitudes: This provision that

слова Блэка подразумевают некую шкалу, на которой ложь расположена определенно *после* надувательства. Что же это за шкала, на которой надувательство всегда предшествует лжи? И ложь, и надувательство суть способы искажения. При этом на первый взгляд неочевидно, как именно степень искажения определяет различие этих двух понятий.

В особенности сопровождаемое претенциозностью на словах или на деле. Здесь следует сделать два замечания. Во-первых, надувательство для Блэка – не только речевая, но и поведенческая категория. «Надувают», морочат голову как словом, так и делом. Во-вторых, уточнение «в особенности» указывает, что Блэк не считает претенциозность непременным свойством надувательства. Понятно, что надувательство часто сопряжено с претенциозностью, а вот «**претенциозная брехня**» – это уже похоже на штамп*. Но все же я склонен полагать, что

* Английское pretentious bullshit – действительно часто употребляемое словосочетание По-русски не удается подобрать точного аналога, но нечто близкое, наверное, можно выразить словами «претенциозное вранье» или «вранье с понтом»

the perpetrator of humbug is essentially misrepresenting himself raises some very central issues. To begin with, whenever a person deliberately misrepresents *anything*, he must inevitably be misrepresenting his own state of mind. It is possible, of course, for a person to misrepresent that alone—for instance, by pretending to have a desire or a feeling which he does not actually have. But suppose that a person, whether by telling a lie or in another way, misrepresents something else. Then he necessarily misrepresents at least two things. He misrepresents whatever he is talking about—i.e., the state of affairs that is the topic or referent of his discourse—and in doing this he cannot avoid misrepresenting his own mind as well. Thus someone who lies about how much money he has in his pocket both gives an account of the amount of money in his pocket and conveys that he believes this account. If the lie works, then its victim is twice deceived, having one false belief about what is in the liar's pocket and another false belief about what is in the liar's mind.

Now it is unlikely that Black wishes the referent of humbug to be in every instance the

претенциозность, содержащаяся в **брехне**, отражает скорее ее внутреннее побуждение и не является неотъемлемым элементом ее сущности. Наличие претенциозности в поведении человека, по-моему, не входит в число

необходимых условий для признания его высказывания **брехней**. Понятно, что часто это высказывание порождено именно претенциозностью, однако не следует считать, что претенциозность всегда и без исключения является внутренним побуждением **брехни**.

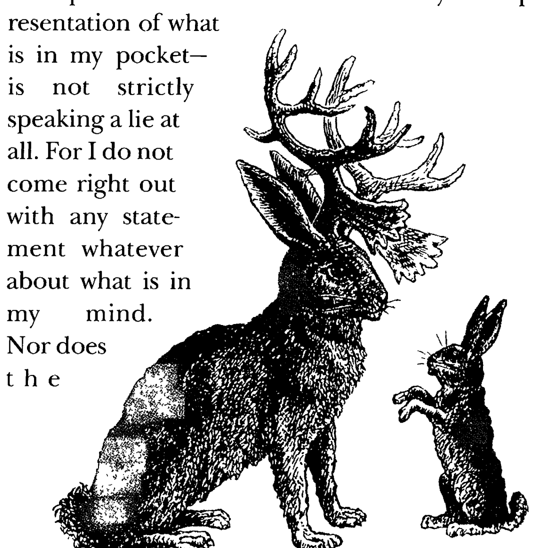
state of the speaker's mind. There is no particular reason, after all, why humbug may not be about other things. Black probably means that humbug is not designed primarily to give its audience a false belief about whatever state of affairs may be the topic, but that its primary intention is rather to give its audience a false impression concerning what is going on in the mind of the speaker. Insofar as it is humbug, the creation of this impression is its main purpose and its point.

Understanding Black along these lines suggests a hypothesis to account for his characterization of humbug as «short of lying». If I lie to you about how much money I have, then I do not thereby make an *explicit* assertion concerning

Искажение собственных мыслей, чувств или взглядов. Данное положение («надуватель», по сути, искажает самого себя) заставляет нас задаться рядом важнейших вопросов. Начнем с того, что человек, умышленно передающий *что бы то ни было* в искаженном виде, не может не искажать образ самого себя. Можно, конечно, ничего другого не искажать – например, изображая чувства или желания, которых в действительности не испытываешь. Но представим себе, что некто искажает что-то еще, будь то посредством лжи или как-либо иначе. Тогда имеют место, по крайней мере, два искажения: искажается то, о чем он говорит (т. е. тема или предмет его речи), что в свою очередь неизбежно ведет к искаженной передаче его мыслей. Так, если некто лжет о том, сколько у него в кармане денег, то он, с одной стороны, сообщает, сколько у него денег, а с другой стороны, утверждает, что он верит этому своему сообщению. Если ложь удается, то ее жертва обманута дважды: и по поводу количества денег в кармане лгущего, и по поводу того, что у лгущего на уме.

Блэк вряд ли хочет сказать, что предметом надувательства всегда является

my beliefs. Therefore, one might with some plausibility maintain that although in telling the lie I certainly misrepresent what is in my mind, this misrepresentation—as distinct from my misrepresentation of what is in my pocket—is not strictly speaking a lie at all. For I do not come right out with any statement whatever about what is in my mind. Nor does the statement I do affirm—e.g., «I have twenty dollars in my pocket»—imply any statement that attributes a belief to me. On the other hand, it is unquestionable that in so affirming, I provide

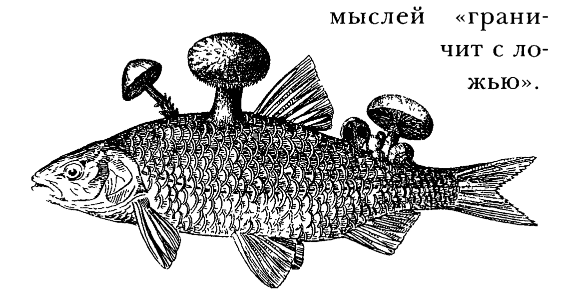
то, что на уме у того, кто «надувает». Ведь надуть, «провести за нос» можно, наверное, и насчет чего-то другого. Вероятнее всего, Блэк считает, что надувательство призвано в первую очередь не ввести слушателей в заблуждение касательно того, как «на самом деле» обстоят дела в обсуждаемой сфере, а создать у них неверное впечатление о том, что происходит в голове у говорящего. В этом и состоят смысл и главная цель надувательства.

На основании такого понимания мысли Блэка можно попытаться истолковать его характеристику надувательства как «граничащего с ложью». Если я вам лгу о количестве денег у себя кармане, я не делаю *явного* утверждения о том, что я думаю. Поэтому следующее высказывание звучит в высокой степени правдоподобно: с одной стороны, я лгу, рисуя ложную картину того, что у меня в кармане; с другой стороны, я неверно передаю то, что у меня на уме, но, строго говоря, это уже вовсе не ложь. Ведь я не делаю никаких прямых утверждений о том, что у меня на уме. А то, что я говорю (например: «у меня в кармане

you with a reasonable basis for making certain judgments about what I believe. In particular, I provide you with a reasonable basis for supposing that I believe I have twenty dollars in my pocket. Since this supposition is by hypothesis false, I do in telling the lie tend to deceive you concerning what is in my mind even though I do not actually tell a lie about that. In this light, it does not seem unnatural or inappropriate to regard me as misrepresenting my own beliefs in a way that is «short of lying».

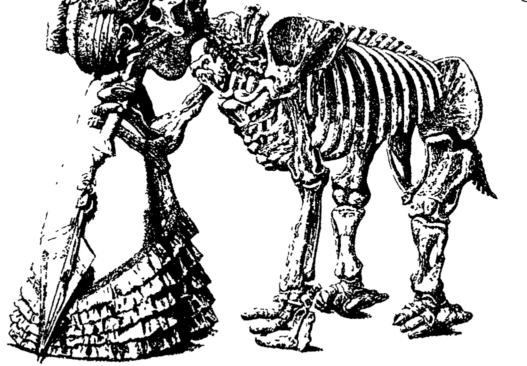
It is easy to think of familiar situations by which Black's account of humbug appears to be unproblematically confirmed. Consider a Fourth of July orator, who goes on bombastically about «our great and blessed country whose Founding Fathers under divine guidance created a new beginning for mankind». This is surely humbug. As Black's account suggests, the orator is not lying. He would be lying only if it were his intention to bring about in his audience beliefs that he himself regards as false, concerning such matters as whether our country is great, whether it is blessed, whether the Founders had divine guidance, and whether what they did was in fact to create a new begin-

двадцать долларов»), не подразумевает никаких утверждений, приоткрывающих вам мои мысли. Однако своим утверждением я, безусловно, даю вам материал для выводов касательно моих мыслей. В частности, у вас возникают разумные основания предположить, что я считаю, что у меня в кармане двадцать долларов. Но ваше предположение неверно (по начальному посылу), следовательно, я в итоге обманываю вас относительно того, что у меня на уме, хотя, казалось бы, лгу я не об этом. Исходя из этого, вполне уместно и естественно сказать, что неверная передача мною моих мыслей «граничит с ложью».

В голову сразу приходят самые обыденные ситуации, которые, кажется, вполне

ning for mankind. But the orator does not really care what his audience thinks about the Founding Fathers, or about the role of the deity in our country's history, or the like. At least, it is not an interest in what anyone thinks about these matters that motivates his speech.

It is clear that what makes Fourth of July oration humbug is not fundamentally that the speaker regards his statements as false. Rather, just as Black's account suggests, the orator intends these statements to convey a certain impression of himself.

подтверждают анализ Блэка. Представьте себе оратора, выступающего с трибуны с ура-патриотической речью по случаю Дня независимости. Он громогласно вещает о «США, нашей великой и благословенной стране, чьи отцы-основатели, ведомые божественным провидением, дали человечеству новое начало». Разумеется, это надувательство. Согласно Блэку, оратор не лжет. Во лжи его можно было бы упрекать только в случае, если бы он хотел убедить слушателей в том, что сам не считает истиной, а именно: что наша страна великая, что она благословенная, что божественный промысел руководил отцами-основателями и что их труды и в самом деле послужили человечеству новым началом. Но ведь ему не очень-то важно, что слушатели думают об отцах-основателях, о роли божества в истории страны и т. п. Вовсе не интерес к тому, кто и что об этом думает, движет оратором.

Ясно, что торжественная речь является надувательством не оттого, что произносящий ее считает свои утверждения ложными. По Блэку, для оратора эти слова являются скорее средством произвести определенное впечатление о себе самом, а вовсе не ввести

He is not trying to deceive anyone concerning American history. What he cares about is what people think of *him*. He wants them to think of him as a patriot, as someone who has deep thoughts and feelings about the origins and the mission of our country, who appreciates the importance of religion, who is sensitive to the greatness of our history, whose pride in that history is combined with humility before God, and so on.

Black's account of humbug appears, then, to fit certain paradigms quite snugly. Nonetheless, I do not believe that it adequately or accurately grasps the essential character of bullshit. It is correct to say of bullshit, as he says of humbug, both that it is short of lying and that those who perpetrate it misrepresent themselves in a certain way. But Black's account of these two features is significantly off the mark. I shall next attempt to develop, by considering some biogra-

кого-либо в заблуждение относительно американской истории. Ему важно мнение людей о *нем*. Он хочет, чтобы его считали патриотом, проникшимся глубокими чувствами и мыслями относительно истории и предназначения нашей страны, осознающим важность религии, благоговеющим перед величием нашего прошлого, сочетающим гордость за страну со смирением перед богом и т. д.

Как мы видим, известные образцы надувательства в целом неплохо укладываются в трактовку Блэка. Тем не менее она, на мой взгляд, не вполне адекватно передает суть **брехни**. Верно, что **брехня**, как и надувательство по Блэку, обладает следующими двумя свойствами: она «граничит с ложью» и прибегающие к ней так или иначе рисуют ложный образ самих себя. Однако истолкование Блэком этих свойств грешит большой неточностью. Ниже я рассмотрю случай из жизни Людвига Витгенштейна и попытаюсь прийти к предварительному, но все же более детальному пониманию главных свойств **брехни**.

Витгенштейн как-то сказал, что своим девизом он мог бы назвать следующие строки Лонгфелло[3]:

phical material pertaining to Ludwig Wittgenstein, a preliminary but more accurately focused appreciation of just what the central characteristics of bullshit are.

Wittgenstein once said that the following bit of verse by Longfellow could serve him as a motto[3]:

In the elder days of art
Builders wrought with greatest care
Each minute and unseen part,
For the Gods are everywhere.

The point of these lines is clear. In the old days, craftsmen did not cut corners. They worked carefully, and they took care with every aspect of their work. Every part of the product was considered, and each was designed and made to be exactly as it should be. These craftsmen did not relax their thoughtful self-discipline even with respect to features of their work that would ordinarily not be visible. Although no one would notice if those features were not quite right, the craftsmen would be bothered by their consciences. So nothing was swept under the rug. Or, one might perhaps also say, there was no bullshit.

На заре искусства всяк
Строил не щадя трудов,
И незримый людям брак
*Обнаружит взор богов**.

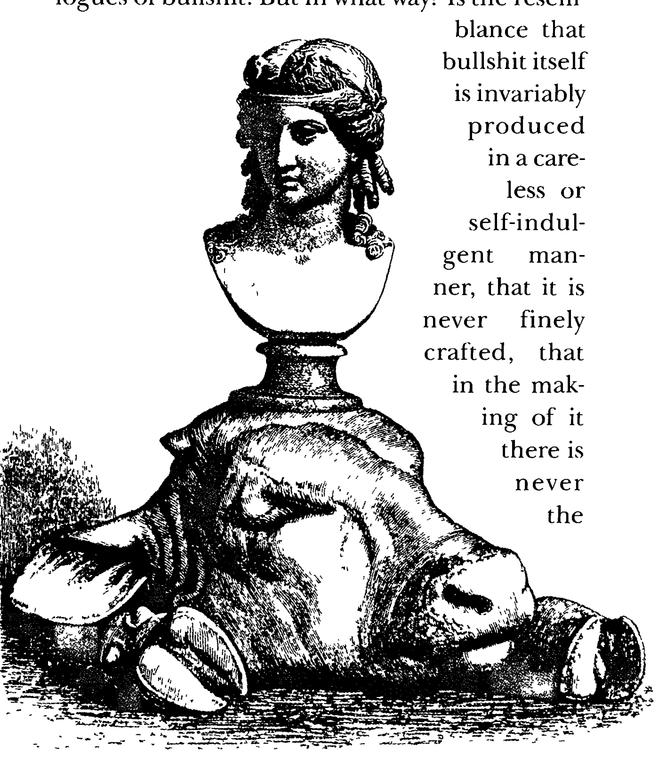
Смысл этих строк ясен: в старину ремесленники не халтурили, а работали тщательно и обращали внимание на каждую мелочь. Они всё скрупулезно обдумывали и делали в точности так, как следует. Они не позволяли себе ослабить внимание даже к тем деталям своей работы, которые обычно невидимы. Неважно, что никто не заметит несовершенства этих деталей, все равно мастеров замучит совесть. Так что в те времена «не заметали сор под ковер». Можно, вероятно, сказать, что тогда себе не позволяли лажи, **брехни****.

Действительно, в некачественных, недобросовестно сделанных изделиях можно усмотреть аналог **брехни**. В чем же сход-

* Перевод Л Хвостенко

** В оригинале «there was no bullshit» Выражение «no bullshit» лучше всего перевести как «без дураков» или «без обмана» Здесь слово bullshit относится не к словам, а скорее к действиям По-русски сейчас сказали бы, что «людям не впаривали лажу, все было честно, без обмана», то есть не выдавали, ➛

It does seem fitting to construe carelessly made, shoddy goods as in some way analogues of bullshit. But in what way? Is the resemblance that bullshit itself is invariably produced in a careless or self-indulgent manner, that it is never finely crafted, that in the making of it there is never the

ство? Может быть, в том, что **брехня** всегда небрежна, неаккуратна, что брешут как бы спустя рукава, пренебрегая деталями – в отличие от ремесленников Лонгфелло, кропотливо оттачивавших каждую мелочь? Правда ли, что брехуны по своей натуре халатны и неряшливы? Всегда ли **брехня**, ими производимая, аляповата и неотесанна? Об этом как будто говорит вторая часть сложного слова *bullshit* – *shit* (дерьмо). Ведь над фекалиями вообще не работают, их просто выделяют, выталкивают. У них бывают более или менее узнаваемые очертания, но, уж конечно, их не «строили, не щадя трудов».

Трудно вообразить «аккуратно сконструированную лажу» – тут есть некоторое внутреннее противоречие. Внимание к деталям требует дисциплины и объективности, соблюдения норм и ограничений и не терпит несдержанности и блажи. Напрашивается вывод, что лажа и **брехня** несовмес-

---

➛ например, плохой товар за хороший. В этом смысле наш перевод слова bullshit словом «брехня» вряд ли годится. Дальнейшие рассуждения автора в большой степени строятся на наличии у слова bullshit еще и этого значения (т. е. «лажа», недобросовестное «втюхивание»)

meticulously attentive concern with detail to which Longfellow alludes? Is the bullshitter by his very nature a mindless slob? Is his product necessarily messy or unrefined? The word *shit* does, to be sure, suggest this. Excrement is not designed or crafted at all; it is merely emitted, or dumped. It may have a more or less coherent shape, or it may not, but it is in any case certainly not *wrought.*

The notion of carefully wrought bullshit involves, then, a certain inner strain. Thoughtful attention to detail requires discipline and objectivity. It entails accepting standards and limitations that forbid the indulgence of impulse or whim. It is this selflessness that, in connection with bullshit, strikes us as inapposite. But in fact it is not out of the question at all. The realms of

тимы с самоотдачей. Однако в действительности это не так. Такие сферы, как реклама, пиар и бурно срастающаяся с ними в наши дни политика, изобилуют примерами столь откровенной **брехни**, что их можно безоговорочно признать классическими образцами ее воплощения. Причем в этих сферах работают искусные и изощренные профессионалы, которые, «не щадя трудов», при помощи самых передовых и часто трудоемких технологий исследования рынка, опросов общественного мнения, психологического тестирования и тому подобного оттачивают до совершенства каждое слово и каждый образ.

И все же к этому следует кое-что добавить. Сколько бы усердия и самоотдачи брехун ни вкладывал в свою **брехню**, все равно он «работает нечисто», недобросовестно и хочет, чтобы в итоге это сошло ему с рук. В его деятельности, как и в работе кустаря-халтурщика, присутствует некий элемент расхлябанности, состоящий в стремлении уклониться от правил, уйти от соблюдения строгой и бескорыстной дисциплины. Конечно, это не то же самое,

advertising and of public relations, and the nowadays closely related realm of politics, are replete with instances of bullshit so unmitigated that they can serve among the most indisputable and classic paradigms of the concept. And in these realms there are exquisitely sophisticated craftsmen who—with the help of advanced and demanding techniques of market research, of public opinion polling, of psychological testing, and so forth—dedicate themselves tirelessly to getting every word and image they produce exactly right.

Yet there is something more to be said about this. However studiously and conscientiously the bullshitter proceeds, it remains true that he is also trying to get away with something. There is surely in his work, as in the work of the slovenly craftsman, some kind of laxity that resists or eludes the demands of a disinterested and austere discipline. The pertinent mode of laxity cannot be equated, evidently, with simple carelessness or inattention to detail. I shall attempt in due course to locate it more correctly.

Wittgenstein devoted his philosophical energies largely to identifying and combating what he regarded as insidiously disruptive

что обычная небрежность или невнимание к деталям. Ниже я попытаюсь точнее определить, о чем речь.

Витгенштейн посвятил свою философскую энергетику преимущественно опознанию и искоренению всего, что он считал опасно разрушительными формами «чуши». Похоже, точно так он поступал и в жизни. Что видно из случая, рассказанного Фаней Паскаль, его знакомой по Кембриджу в 30-е годы:

> «Мне удалили гланды, и я лежала в больнице Эвелин, предаваясь жалости к самой себе. Позвонил Витгенштейн. Я прохрипела: “Я себя чувствую, как собака, которую переехало машиной”. Он парировал негодующе: “Откуда тебе знать, как себя чувствует собака, которую переехало машиной?!”»[4]

Неизвестно, как оно было на самом деле. Но кажется странным, почти невероятным, чтобы кто-то всерьез принялся возражать этим словам Паскаль. Невинный образ, к которому она прибегла – столь близ-

forms of «nonsense». He was apparently like that in his personal life as well. This comes out in an anecdote related by Fania Pascal who knew him in Cambridge in the 1930s:

> I had my tonsils out and was in the Evelyn Nursing Home feeling sorry for myself. Wittgenstein called. I croaked: «I feel just like a dog that has been run over». He was disgusted: «You don't know what a dog that has been run over feels like»[1].

Now who knows what really happened? It seems extraordinary, almost unbelievable, that anyone could object seriously to what Pascal reports herself as having said. That characterization of her feelings—so innocently close to the utterly commonplace «sick as a dog»—is simply not provocative enough to arouse any response as lively or intense as disgust. If Pascal's simile is offensive, then what figurative or allusive uses of language would not be?

So perhaps it did not really happen quite as Pascal says. Perhaps Wittgenstein was trying to make a small joke, and it misfired. He was only pretending to bawl Pascal out, just for

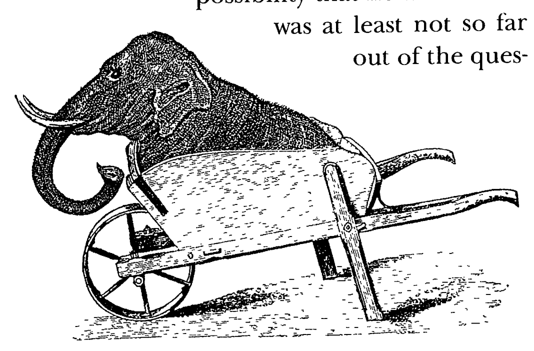
кий к избитому «как (последняя) собака», – явно не был настолько вызывающим, чтобы спровоцировать такую бурную реакцию негодования. Уж если это невинное сравнение Паскаль вызвало такое раздражение, какие вообще образные или иносказательные выражения его не вызовут?

Но возможно, что дело было не так, как рассказала Паскаль. Может, Витгенштейн попытался сострить, а Паскаль не поняла. Он лишь шутя ее отчитал, для смеха раздув ситуацию, а она дурно истолковала его тон и намерения. Она решила, что он возмущен, а он лишь пытался ее взбодрить,

the fun of a little hyperbole; and she got the tone and the intention wrong. She thought he was disgusted by her remark when in fact he was only trying to cheer her up with some playfully exaggerated mock criticism or joshing. In that case the incident is not incredible or bizarre after all.

But if Pascal failed to recognize that Wittgenstein was only teasing, then perhaps the possibility that he was serious was at least not so far out of the ques-

tion. She knew him, and she knew what to expect from him; she knew how he made her feel. Her way of understanding or of misunderstanding his remark was very likely not altogether discordant, then, with her sense of what he

подтрунивая и в шутку придираясь к ее словам. В этом случае все не так уж невероятно и дико.

Однако раз сама Паскаль не распознала розыгрыша в ответе Витгенштейна, нельзя исключить, что тот и впрямь не шутил. Она его знала лично и знала, чего от него ожидать; знала она и как он влияет на ее чувства. Ее верное или ошибочное восприятие его реплики не могло быть совсем оторвано от ее восприятия самого Витгенштейна. Можно предположить, что, даже если намерения Витгенштейна представлены в ее рассказе не вполне верно, то, по крайней мере, он правдив относительно ее понимания самого Витгенштейна, иначе для нее самой этот рассказ не имел бы смысла. В рамках настоящего исследования я приму на веру рассказ Паскаль, то есть поверю, что реакция Витгенштейна на ее образное выражение была именно так нелепа, как она выглядит у Паскаль.

Итак, что же в реплике Паскаль претит тому Витгенштейну, которого она изобразила в своих мемуарах? Допустим, он прав фактически, ведь Паскаль на самом деле не знает, что чувствуют сбитые машиной

was like. We may fairly suppose that even if her account of the incident is not strictly true to the facts of Wittgenstein's intention, it is sufficiently true to her idea of Wittgenstein to have made sense to her. For the purposes of this discussion, I shall accept Pascal's report at face value, supposing that when it came to the use of allusive or figurative language, Wittgenstein was indeed as preposterous as she makes him out to be.

Then just what is it that the Wittgenstein in her report considers to be objectionable? Let us assume that he is correct about the facts: that is, Pascal really does not know how run-over dogs feel. Even so, when she says what she does, she is plainly not *lying*. She would have been lying if, when she made her statement, she was aware that she actually felt quite good. For however little she knows about the lives of dogs, it must certainly be clear to Pascal that when dogs are run over they do not feel good. So if she herself had in fact been feeling good, it would have been a lie to assert that she felt like a run-over dog. Pascal's Wittgenstein intends to accuse her not of lying but of misrepresentation of another sort. She characterizes her feeling as «the feeling of a

собаки. Но и в этом случае, говоря, что «чувствует себя, как собака, сбитая машиной», она никоим образом не *лжет*. Она бы лгала, если бы, произнося эту фразу, сама-то знала, что ей хорошо; ибо, сколь бы мало ни знала Паскаль о собачьей жизни, ясно, что для нее не секрет тот факт, что сбитая машиной собака чувствует себя плохо. Тем самым если бы она сама себя чувствовала хорошо, то ее заявление было бы ложью. Витгенштейн, по словам Паскаль, обвиняет ее не во лжи, но в искажении другого типа. Она описывает свои чувства как «ощущения сбитой маши-

run-over dog». She is not really acquainted, however, with the feeling to which this phrase refers. Of course, the phrase is far from being complete nonsense to her; she is hardly speaking gibberish. What she says has an intelligible connotation, which she certainly understands. Moreover, she does know something about the quality of the feeling to which the phrase refers: she knows at least that it is an undesirable and unenjoyable feeling, a *bad* feeling. The trouble with her statement is that it purports to convey something more than simply that she feels bad.

ной собаки», не будучи знакома с самими этими ощущениями. Впрочем, для нее этот оборот – далеко не бессмыслица: вряд ли Паскаль намеренно несет чепуху. В ее словах содержится понятная коннотация, которую она явно осознает. Более того, она кое-что знает и о свойствах таких ощущений: это по меньшей мере нежелательные, неприятные, *гадкие* ощущения. Проблема в том, что ее высказывание подразумевает нечто большее, чем просто неприятные ощущения. Описание Паскаль слишком специфично, чрезмерно конкретно. Ведь она чувствует себя не просто плохо: по ее словам, ее ощущения относятся к особому типу ощущений, а именно к таким ощущениям, какие испытывает собака, которую переехал автомобиль. Для Витгенштейна же, судя по его реакции в передаче Паскаль, все это просто вранье.

Предположим, что Витгенштейн действительно счел сообщение Паскаль **брехней**. Что же его на

Her characterization of her feeling is too specific; it is excessively particular. Hers is not just any bad feeling but, according to her account, the distinctive kind of bad feeling that a dog has when it is run over. To the Wittgenstein in Pascal's story, judging from his response, this is just bullshit.

Now assuming that Wittgenstein does indeed regard Pascal's characterization of how she feels as an instance of bullshit, why does it strike him that way? It does so, I believe, because he perceives what Pascal says as being—roughly speaking, for now—unconnected to a concern with the truth. Her statement is not germane to the enterprise of describing reality. She does not even think she knows, except in the vaguest way, how a run-over dog feels. Her description of her own feeling is, accordingly, something that she is merely making up. She concocts it out of whole cloth; or, if she got it from someone else, she is repeating it quite mindlessly and without any regard for how things really are.

It is for this mindlessness that Pascal's Wittgenstein chides her. What disgusts him is that Pascal is not even concerned whether her

это натолкнуло? Дело, как мне кажется, в том, что, на его взгляд, слова Паскаль (прибегнем пока к приблизительной формулировке) оторваны от заботы об истине. Ее высказывание не имеет прямого отношения к описанию действительности. Она и сама не настаивает, что сколько-нибудь отчетливо знает, что чувствует раздавленная собака. Таким образом, ее описание своих ощущений – просто выдумка. Либо она все это выдумала на ходу, либо, слышав от кого-то, повторяет совершенно бездумно, не заботясь о том, как дело обстоит в действительности.

Именно в этой бездумности Витгенштейн и упрека-

statement is correct. There is every likelihood, of course, that she says what she does only in a somewhat clumsy effort to speak colorfully, or to appear vivacious or good-humored; and no doubt Wittgenstein's reaction—as she construes it—is absurdly intolerant. Be this as it may, it seems clear what that reaction is. He reacts as though he perceives her to be speaking about her feeling thoughtlessly, without conscientious attention to the relevant facts. Her statement is not «wrought with greatest care». She makes it without bothering to take into account at all the question of its accuracy.

The point that troubles Wittgenstein is manifestly not that Pascal has made a mistake in her description of how she feels. Nor is it even that she has made a careless mistake. Her laxity, or her lack of care, is not a matter of having permitted an error to slip into her speech on account of some inadvertent or momentarily negligent lapse in the attention she was devoting to getting things right. The point is rather that, so far as Wittgenstein can see, Pascal offers a description of a certain state of affairs without genuinely submitting to the constraints which the endeavor to provide an accu-

ет Паскаль. Он возмущен тем, что Паскаль нисколько не заботит, верно ли ее утверждение. А ведь очень вероятно, что это была лишь неловкая попытка выразиться поярче, показаться бодрой и веселой. В таком случае реакция Витгенштейна (в передаче Паскаль) абсурдна в своей нетерпимости. Как бы то ни было, ясно, чтó это за реакция. Он реагирует так, полагая, что Паскаль говорит о своих ощущениях бездумно, без сознательного внимания к фактам. Она не строит свое высказывание, «не щадя трудов», ей дела нет до того, насколько ее слова соответствуют действительности.

Очевидно, что Витгенштейна раздражает не ошибка Паскаль в описании

rate representation of reality imposes. Her fault is not that she fails to get things right, but that she is not even trying.

This is important to Wittgenstein because, whether justifiably or not, he takes what she says seriously, as a statement purporting to give an informative description of the way she feels. He construes her as engaged in an activity to which the distinction between what is true and what is false is crucial, and yet as taking no interest in whether what she says is true or false. It is in this sense that Pascal's statement is unconnected to a concern with truth: she is not concerned with the truth-value of what she says. That is why she cannot be regarded as lying; for she does not presume that she knows the truth, and therefore she cannot be deliberately promulgating a proposition that she presumes to be false: Her statement is grounded neither in a belief that it is true nor, as a lie must

своих чувств. И дело даже не в допущенной ею небрежности. Она не просто по недосмотру позволила ошибке вкрасться в свою речь, на миг ослабив внимание, направленное на верную передачу своих ощущений. Ее небрежность и даже халатность проявились, по мнению Витгенштейна, скорее в том, что Паскаль описывает некоторое положение дел, нарушая условия, которые обязан соблюсти всякий, принимаясь за точное воспроизведение действительности. Ее вина не в том, что ей не удалось реальное описание, а в том, что она к этому и не стремилась.

Витгенштейну это важно. Он – оправданно или нет – воспринял ее слова всерьез, как заявление, цель которого – информативное описание ее чувств. С его точки зрения, Паскаль, действуя в рамках жанра, для которого сущест-

be, in a belief that it is not true. It is just this lack of connection to a concern with truth—this indifference to how things really are—that I regard as of the essence of bullshit.

Now I shall consider (quite selectively) certain items in the *Oxford English Dictionary* that are pertinent to clarifying the nature of bullshit. The *OED* defines a *bull session* as «an informal conversation or discussion, esp. of a group of males». Now as a definition, this seems wrong. For one thing, the dictionary evidently supposes that the use of the term *bull* in *bull session* serves primarily just to indicate gender. But even if it were true that the participants in bull sessions are generally or typically males, the assertion that a bull session is essentially nothing more particular than an informal discussion among males would be as far off the mark as the parallel assertion that a hen session is simply an informal conversation

венно различие между истиной и ложью, совершенно не интересуется истинностью или ложностью своего высказывания. Именно в этом смысле оно безразлично к истине: ее не заботит истинность того, что она сказала. Поэтому нельзя считать, что она лжет: ведь она и не полагает, что знает правду, а следовательно, не делает заведомо ложного заявления. Ее слова не зиждутся ни на убеждении об их истинности, ни на убеждении об их ложности (последнее привело бы ко лжи). Вот эта оторванность от заботы об истине, это безразличие к действительному положению дел и составляют, на мой взгляд, существо **брехни**.

Теперь рассмотрим (выборочно) некоторые статьи из «Оксфордского словаря английского языка», относящиеся к понятию **брехня** (*bullshit*). В словаре выражение *bull session** толкуется как «неформальная беседа или обсуждение, особенно в кругу мужчин» (трёп). Это определение явно неверно. Во-первых, авторы словаря, очевидно, считают, что слово *bull* («туфта, лажа», а также «бык»*)

* Ниже будем переводить bull session как «трёп»

among females. It is probably true that the participants in hen sessions must be females. Nonetheless the term *hen session* conveys something more specific than this concerning the particular kind of informal conversation among females to which hen sessions are characteristically devoted. What is distinctive about the sort of informal discussion among males that constitutes a bull session is, it seems to me, something like this: while the discussion may be intense and significant, it is in a certain respect not «for real».

The characteristic topics of a bull session have to do with very personal and emotion-laden aspects of life—for instance, religion, politics, or sex. People are generally reluctant to speak altogether openly about these topics if they expect that they might be taken too seriously. What tends to go on in a bull session is that the participants try out various thoughts and attitudes in order to see how it feels to hear themselves saying such things and in order to discover how others respond, without its being assumed that they are committed to what they say: it is understood by everyone in a bull ses-

указывает тут прежде всего на пол участников. Даже если бы было верно, что участники трёпа (*bull session*) – чаще всего мужчины, то утверждение, что это не что иное, как просто «неформальная беседа в кругу мужчин», было бы так же неточно, как утверждение, что *hen session*** («посиделки») – это просто «неформальная беседа в кругу женщин». Действительно, в том, что называется *hen session*, видимо, участвуют именно женщины. При этом само выражение *hen session* указывает на нечто большее, а именно на особый тип неформальной беседы в кругу женщин, происходящей во время посиделок.

Что же до мужской болтовни, которую описывает выражение *bull session*, то здесь, по-моему, можно выделить следующее свойство: сколь бы напряженна и выразительна

* Значение «бык», как принято считать, этимологически не имеет отношения к обсуждаемому bull(shit) в значении «брехня, треп», а представляет собой омоним

** Английское hen означает «курица»

sion that the statements people make do not necessarily reveal what they really believe or how they really feel. The main point is to make possible a high level of candor and an experimental or adventuresome approach to the subjects under discussion. Therefore provision is made for enjoying a certain irresponsibility, so that people will be encouraged to convey what is on their minds without too much anxiety that they will be held to it.

Each of the contributors to a bull session relies, in other words, upon a general recognition that what he expresses or says is not to be understood as being what he means wholeheartedly or believes unequivocally to be

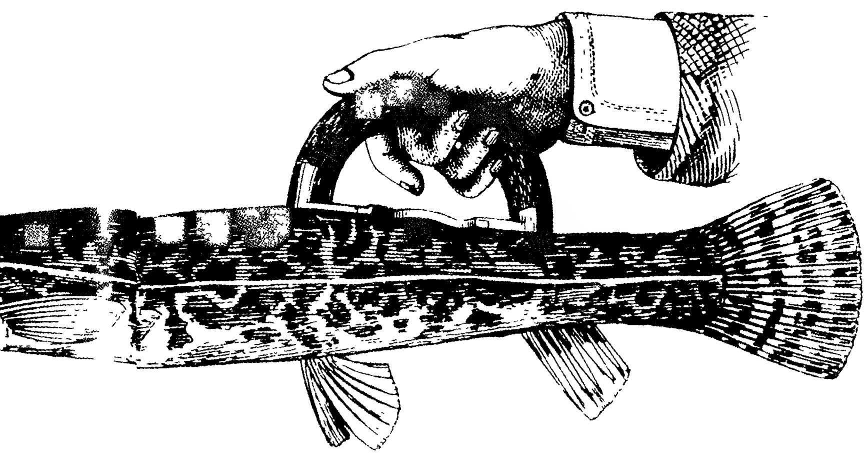
она ни была, в ней всё некоторым образом «не взаправду», есть элемент баловства. Характерные темы трёпа затрагивают глубоко личные и эмоционально нагруженные сферы жизни, как, например, религия, политика или секс. Люди, в общем, неохотно откровенничают на эти темы, пока чувствуют опасность быть понятыми слишком всерьез. Во время трёпа чаще всего происходит следующее: участники как бы «примеряют» различные идеи и взгляды, испытывая их на себе и на других, ощущая то, что чувствует высказывающий их человек, и оценивая реакции собеседников. При этом от говорящего никто не ждет искренности, ведь ясно, что его слова необязательно отражают его мысли или чувства. Главное – атмосфера откровенности, где не ограничивают себя в прямоте высказываний, экспериментируя с темой разговора. Всем дозволена некоторая безответственность, и поощряется разговор начистоту без опаски, что тебя поймают на слове.

Каждый участник «трёпа» опирается на общее соглашение, что по его высказываниям не станут судить о его истинных взглядах и

true. The purpose of the conversation is not to communicate beliefs. Accordingly, the usual assumptions about the connection between what people say and what they believe are suspended. The statements made in a bull session differ from bullshit in that there is no pretense that this connection is being sustained. They are like bullshit by virtue of the fact that they are in some degree unconstrained by a concern with truth. This resemblance between bull sessions and bullshit is suggested also by the term *shooting the bull* which refers to the sort of conversation that characterizes bull sessions and in which the term *shooting* is very likely a cleaned-up rendition of *shitting*. The very term *bull session* is, indeed, quite probably a sanitized version of *bullshit session.*

A similar theme is discernible in a British usage of *bull* in which, according to the *OED,* the term refers to «unnecessary routine tasks or ceremonial; excessive discipline or 'spit-and-polish'; = red-tape». The dictionary provides the following examples of this usage:

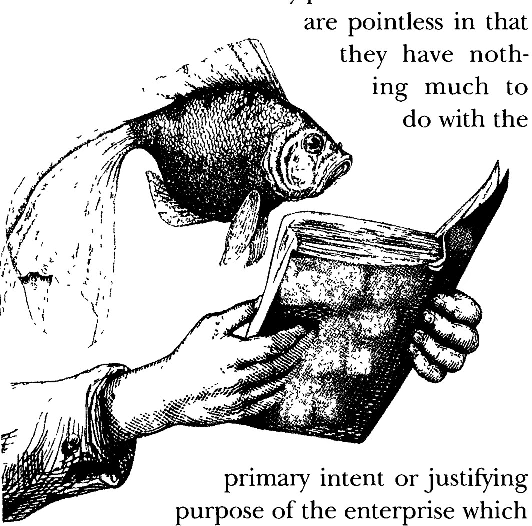
что он совершенно не отвечает за безоговорочную правдивость своих слов. Цель такой беседы не в том, чтобы сообщить о своих убе-

ждениях. Соответственно отменяются и обычные предпосылки о связи между тем, что человек говорит, и тем, что он думает на самом деле. В отличие от **брехни**, при трёпе никто не настаивает на такой связи. **Брехне** его уподобляет определенная свобода от заботы об

The Squadron ... felt very bolshie about all that bull that was flying around the station (I. Gleed, *Arise to Conquer* vi. 51, 1942); Them turning out the guard for us, us marching past eyes right, all that sort of bull (A. Baron, *Human Kind* xxiv. 178, 1953); the drudgery and 'bull' in an MP's life (*Economist* 8 Feb. 470/471, 1958).

Here the term *bull* evidently pertains to tasks that are pointless in that they have nothing much to do with the

primary intent or justifying purpose of the enterprise which

истине. На это сходство **брехни** и трёпа указывает также выражение *shoot the bull* (трепаться, трындеть, нести чушь), относящееся к тому же виду беседы, что и понятие «трёп» (*bull session*). Глагол *shoot* (стрелять) здесь вполне может быть облагороженным вариантом глагола *shit* (испражняться), да и само выражение *bull session* представляет собой, вероятно, смягчение *bullshit session.*

Схожий мотив просматривается в британском английском, где, согласно Оксфордскому словарю, слово *bull* имеет значение «ненужные, бесполезные рутинные действия или церемонии; излишняя дисциплина или показуха; (бюрократическая) волокита». Приводятся следующие примеры такого словоупотребления:

> «Отряд... страшно раздражала волокита (*bull*), царившая на базе» (*Глид И.* Восстать и покорить, 1942)*; «Они нам скомандуют "на караул", мы промаршируем, равняясь

* В оригинале· «The Squadron felt very bolshie about all that bull that was flying around the station» (Gleed I. Arise to Conquer VI 51, 1942)

requires them. Spit-and-polish and red tape do not genuinely contribute, it is presumed, to the «real» purposes of military personnel or government officials, even though they are imposed by agencies or agents that purport to be conscientiously devoted to the pursuit of those purposes. Thus the «unnecessary routine tasks or ceremonial» that constitute bull are disconnected from the legitimating motives of the activity upon which they intrude, just as the things people say in bull sessions are disconnected from their settled beliefs, and as bullshit is disconnected from a concern with the truth.

The term *bull* is also employed, in a rather more widespread and familiar usage, as a somewhat less coarse equivalent of *bullshit*. In an entry for *bull* as so used, the *OED* suggests the following as definitive: «trivial, insincere, or untruthful talk or writing; nonsense.» Now it does not seem distinctive of bull either that it must be deficient in meaning, or that it is necessarily unimportant; so «nonsense» and «trivial», even apart from their vagueness, seem to be on the wrong track. The focus of «insincere, or untruthful» is better, but it needs to be sharpened'. The entry at hand also provides the following two definitions:

направо, и прочая показуха (*bull*)» (*Барон А.* Род человеческий, 1953)*; «Тяжкий труд и рутина (*bull*) в жизни парламентария» (Economist, 1958)**.

Здесь слово *bull* (туфта***), очевидно, относится к бессмысленным действиям, имеющим мало общего с целями, ради которых эти действия предприняты и которыми оправдываются. Показуха и канцелярская рутина, как принято считать, не способствуют достижению «истинных» целей военных или правительственных чиновников. Тем не менее эти процедуры насаждаются органами и лицами, активно демонстрирующими добросовестность своих усилий в деле достижения этих целей. Следовательно, «бесполезные рутинные действия или церемонии», составляющие «показуху» (*bull*), оторваны от побуждений, оправды-

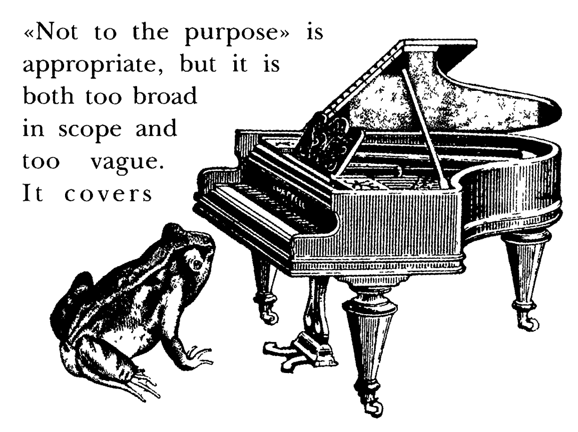
* В оригинале «Them turning out the guard for us, us marching past eyes right, all that sort of bull» (Baron A Human Kind XXIV 178, 1953)

** В оригинале «the drudgery and "bull" in an MP's life» (Economist 8 Feb 470/471, 1958)

*** Ниже слово bull будем условно переводить как «туфта»

1914 Dialect Notes IV. 162 Bull, talk which is not to the purpose; 'hot air'.
1932 Times Lit. Supp. 8 Dec. 933/3 'Bull' is the slang term for a combination of bluff, bravado, 'hot air', and what we used to call in the Army 'Kidding the troops'.

«Not to the purpose» is appropriate, but it is both too broad in scope and too vague. It covers

digressions and innocent irrelevancies which are not invariably instances of bull; furthermore, saying that bull is not to the purpose leaves it uncertain what purpose is meant. The reference in both definitions to «hot air» is more helpful.

вающих деятельность, в которую они вторгаются. Точно так же трёп (*bull session*) оторван от устоявшихся убеждений говорящих, а **брехня** (*bullshit*) оторвана от заботы об истине.

Кроме того, слово *bull* (туфта) более широко употребляется в разговорном языке как менее сильный синоним *bullshit* (**брехня**). В этом значении Оксфордский словарь определяет его следующим образом: «малозначительные*, неискренние или лживые устные или письменные высказывания; бессмыслица». Представляется, однако, что малозначительность и отсутствие смысла вовсе не являются отличительной чертой определяемого понятия, так что слова «бессмыслица» и «малозначительные», сами по себе туманные, здесь, по-видимому, неуместны. Характеристика «неискренние или лживые» ближе к сути дела, но нуждается в уточнении[5]. В словарной статье дается еще два толкования туфты (*bull*):

* В оригинале trivial, что может также значить «банальные», «тривиальные», «пустые»

When we characterize talk as hot air, we mean that what comes out of the speaker's mouth is only that. It is mere vapor. His speech is empty, without substance or content. His use of language, accordingly, does not contribute to the purpose it purports to serve. No more information is communicated than if the speaker had merely exhaled. There are similarities between hot air and excrement, incidentally, which make *hot air* seem an especially suitable equivalent for *bullshit*. Just as hot air is speech that has been emptied of all informative content, so excrement is matter from which everything nutritive has been removed. Excrement may be regarded as the corpse of nourishment, what remains when the vital elements in food have been exhausted. In this respect, excrement is a representation of death that we ourselves produce and that, indeed, we cannot help producing in the very process of maintaining our lives. Perhaps it is for making death so intimate that we find excrement so repulsive. In any event, it cannot serve the purposes of sustenance, any more than hot air can serve those of communication.

1914 год – *Dialect Notes* («Диалектологические записки») IV. 162: «разговор не по делу; пустозвонство (сотрясение воздуха)»; 1932 год – Литературное приложение к [газете] «Таймс», 8 декабря 933/3: «жаргонизм, обозначающий смесь блефа, бравады, пустозвонства (сотрясения воздуха), а также то, что в свое время в армии называлось "дурить солдат"».

Формулировка «не по делу» уместна, только излишне обща и туманна. Она может относиться к обычным отступлениям и невинным вкраплениям «не в тему», которые отнюдь не всегда можно назвать туфтой. Более того, утверждение, что туфта – разговор не по делу, ничего не сообщает о том, что за «дело» имеется в виду. Фигурирующее в обоих определениях «пустозвонство (сотрясение воздуха)»* привносит значительно больше ясности.

Называя чью-то речь «сотрясением воздуха», мы имеем в виду, что все исходящее из уст говорящего – не более чем ветер. Его

* В оригинале hot air, букв «горячий воздух», сравните русское «ветрогон»

Now consider these lines from Pound's Canto LXXIV, which the *OED* cites in its entry on *bullshit* as a verb:

Hey Snag wots in the bibl'?
Wot are the books ov the bible?
Name 'em, don't bullshit ME[6].

This is a call for the facts. The person addressed is evidently regarded as having in some way claimed to know the Bible, or as having claimed to care about it. The speaker suspects that this is just empty talk, and demands that the claim be supported with facts. He will not accept a mere report; he insists upon seeing the thing itself. In other words, he is calling the bluff. The connection between bullshit and bluff is affirmed explicitly in the definition with which the lines by Pound are associated:

> As v. *trans*, and *intr.*, to talk nonsense (to); ... also, to bluff *one's way through* (something) by talking nonsense.

It does seem that bullshitting involves a kind of bluff. It is closer to bluffing, surely, than to

речь пуста и бессодержательна. В его устах язык изменяет своей цели, то есть не несет никакой информации, кроме того, что имел место выдох. В этом смысле «сотрясение воздуха» схоже с экскрементами, что, кстати, делает его близким эквивалентом **брехни** (*bullshit*). При «сотрясении воздуха» речь так же лишена информативного контента, как экскременты – всех питательных элементов. Экскременты можно считать «трупом» пищи, остающимся после использования всех жизненно важных ее составляющих. Экскременты – образ смерти, который мы сами производим, что, между прочим, совершенно неизбежно в процессе нашей жизнедеятельности. Возможно, поэтому экскременты и вызывают такое отвращение: ведь они вынуждают нас лицезреть смерть. В любом случае, сами по себе они так же мало служат целям поддержания жизни, как «сотрясение воздуха» – целям коммуникации.

Теперь обратимся к следующим строкам из «Песни LXXIV» («Canto LXXIV») Эзры Паунда, которые Оксфордский словарь цитирует в статье *bullshit, глагол* (брехать, пудрить мозги):

telling a lie. But what is implied concerning its nature by the fact that it is more like the former than it is like the latter? Just what is the relevant difference here between a bluff and a lie?

Lying and bluffing are both modes of misrepresentation or deception. Now the concept most central to the distinctive nature of a lie is that of falsity: the liar is essentially someone who deliberately promulgates a falsehood. Bluffing, too, is typically devoted to conveying something false. Unlike plain lying, however, it is more especially a matter not of falsity but of fakery. This

Чо в библии-то, а, Снэг?
Чо там за книги в библии?
*Назови-ка их, мне-то не бреши**.

Это требование предъявить факты. Тот, к кому оно обращено, очевидно, заявлял, что знает Библию или что озабочен ею. Говорящий подозревает, что это пустая болтовня, и требует подкрепить заявление фактами. Он не принимает лишь заверения в знании, а желает непременно в нем лично удостовериться. Иными словами, он объявляет о блефе. Связь между **брехней** и блефом подтверждается явным образом в словарной статье (*bullshit*, брехать), где цитируется Паунд:

> «*Глагол, пер. и непер.*, говорить ерунду (*кому*); … тж. добиваться чего-л. таким образом»**.

---

* В оригинале
Hey Snag wots in the bibl'?
Wot are the books ov the bible?
Name 'em, don't bullshit me

** В оригинале to bluff one's way through (something) by talking nonsense, то есть дойти до цели посредством блефа, «выблефовать свое»

is what accounts for its nearness to bullshit. For the essence of bullshit is not that it is *false* but that it is *phony*. In order to appreciate this distinction, one must recognize that a fake or a phony need not be in any respect (apart from authenticity itself) inferior to the real thing. What is not genuine need not also be defective in some other way. It may be, after all, an exact copy. What is wrong with a counterfeit is not what it is like, but how it was made. This points to a similar and fundamental aspect of the essential nature of bullshit: although it is produced without concern with the truth, it need not be false. The bullshitter is faking things. But this does not mean that he necessarily gets them wrong.

In Eric Ambler's novel *Dirty Story*, a character named Arthur Abdel Simpson recalls advice that he received as a child from his father:

> Although I was only seven when my father was killed, I still remember him very well and some of the things he used to say. . . . One of the first things he taught me was, *«Never tell a lie when you can bullshit your way through»*[7].

И верно, **брехня**, похоже, предполагает своего рода блеф. Она однозначно ближе к блефу, чем ложь. Но что можно из этого заключить о природе **брехни**? В чем же здесь важное для нас различие между блефом и ложью?

И ложь, и блеф суть способы искажения, то есть обмана. Определяющим элементом лжи (вранья) является ее ложность, неистинность: лжецом называют прежде всего того, кто вслух говорит неправду. Но блеф тоже, как правило, имеет целью сообщение ложной информации. В отличие от обычного вранья, блеф скорее связан не с ложностью, а с притворством. В этом кроется его сходство с **брехней** (лажей, туфтой), чья суть – не ложность, а подделка,

фальшь, «липа». Для понимания упомянутого различия необходимо осознавать, что подделка или «липа» вовсе не обязательно в чем бы то ни

This presumes not only that there is an important difference between lying and bullshitting, but that the latter is preferable to the former. Now the elder Simpson surely did not consider bullshitting morally superior to lying. Nor is it likely that he regarded lies as invariably less effective than bullshit in accomplishing the purposes for which either of them might be employed. After all, an intelligently crafted lie may do its work with unqualified success. It may be that Simpson thought it easier to get away with bullshitting than with lying. Or perhaps he meant that, although the risk of being caught is about the same in each case, the consequences of being caught are generally less severe for the bullshitter than for the liar. In fact, people do tend to be more tolerant of bullshit than of lies, perhaps because we are less inclined to take the former as a personal affront. We may seek to distance ourselves from bullshit, but we are more likely to turn away from it with an impatient or irritated shrug than with the sense of violation or outrage that lies often inspire. The problem of understanding why our attitude toward bullshit is generally more benign than our attitude

было уступают оригиналу (кроме собственно подлинности). То, что вещь не подлинна, не означает, что в ней есть еще и другие изъяны. В конце концов, она может быть точной копией. Фальшивка плоха не тем, какова она сама по себе, а тем, как она была создана. Это подводит нас к схожей – принципиальной и неотъемлемой – характеристике сущности **брехни**: несмотря на то что она порождена безотносительно к правде, она необязательно ложна. Да, брехун извращает факты, но это не значит, что в итоге они не соответствуют действительности.

В романе Эрика Амблера «Грязная история» (*Dirty Story*) персонаж по имени Артур Симпсон вспоминает совет, данный ему в детстве отцом:

> «Мне было только семь лет, когда убили отца, но я до сих пор очень хорошо помню его и кое-что из того, что он мне говорил... Одним из первых его поучений было: никогда не лги, если можешь просто навешать лапши на уши и добиться своего»*[7].

---

* В оригинале when you can bullshit your way through, то есть дойти до цели посредством брехни, лажи, «выбрехать свое»

toward lying is an important one which I shall leave as an exercise for the reader.

The pertinent comparison is not, however, between telling a lie and producing some particular instance of bullshit. The elder Simpson identifies the alternative to telling a lie as «bullshitting one's way through». This involves not merely producing one instance of bullshit; it involves a *program* of producing bullshit to whatever extent the circumstances require. This is a key, perhaps, to his preference. Telling a lie is an act with a sharp focus. It is designed to insert a particular falsehood at a specific point in a set or system of beliefs, in order to avoid the consequences of having that point occupied by the truth. This requires a degree of craftsmanship in which the teller of the lie submits to objective constraints imposed by what he takes to be the truth. The liar is inescapably concerned with truth-values. In order to invent a lie at all, he must think he knows what is true. And in order to invent an effective lie, he must design his falsehood under the guidance of that truth.

On the other hand, a person who undertakes to bullshit his way through has much more freedom. His focus is panoramic

В этом высказывании подразумевается не только существенное различие между ложью и **брехней** («лапша на уши»), но и предпочтительность последней. Конечно, Симпсон-отец не считал, что **брехня** нравственно выше лжи. Он также вряд ли полагал, что ложь менее действенна, чем **брехня**, в достижении целей, ради которых их употребляют. Возможно, он думал, что **брехня** легче сходит с рук. Или же, может быть, его мысль заключалась в том, что, хотя в обоих случаях человека одинаково легко уличить, последствия для брехуна будут в целом не так опасны, как для лжеца. И в самом деле, люди более терпимы к **брехне**, чем ко лжи – наверное, потому, что мы менее склонны воспринимать **брехню** как личный вызов. Мы можем пытаться от нее отгородиться, но если мы отвернемся от нее, то скорее с раздраженным пожатием плеч, чем с чувством, что нас оскорбили, и возмущением, которые часто вызывает ложь. Ответить на вопрос, почему к **брехне** мы склонны относиться мягче, чем ко лжи, я оставляю самому читателю.

rather than particular. He does not limit himself to inserting a certain falsehood at a specific point, and thus he is not constrained by the truths surrounding that point or intersecting it. He is prepared, so far as required, to fake the context as well. This freedom from the constraints to which the liar must submit does not necessarily mean, of course, that his task is easier than the task of the liar. But the mode of creativity upon which it relies is less analytical and less deliberative than that which is mobilized in lying. It is more expansive and independent, with more spacious opportunities for improvisation, color, and imaginative play. This is less a matter of craft than of art. Hence the familiar notion of the «bullshit artist». My guess is that the recommendation offered by Arthur Simpson's father reflects the fact that he was more strongly drawn to this mode of creativity, regardless of its relative merit or effectiveness, than he was to the more austere and rigorous demands of lying.

Не стоит, однако, сравнивать ложь с конкретными случаями **брехни**. Симпсон-отец в качестве альтернативы лжи выбирает «лапшу на уши». Здесь речь не просто об одноразовом применении **брехни**, а о целом *алгоритме* «брехливости» ради достижения цели, глядя по обстоятельствам. Этим, по-видимому, и обусловлено его предпочтение. Когда человек лжет, он действует сосредоточенно. Цель лганья – замещение конкретной неправдой своего места в системе взглядов, чтобы не допустить проникновения туда правды. Это требует от лжеца определенного мастерства, состоящего в умении подчиниться объективным ограничениям, налагаемым тем, что он считает правдой. Он весьма озабочен соотно-

What bullshit essentially misrepresents is neither the state of affairs to which it refers nor the beliefs of the speaker concerning that state of affairs.

Those are what lies misrepresent, by virtue of being false. Since bullshit need not be false, it differs from lies in its misrepresentational intent. The bullshitter may not deceive us, or even intend to do so, either about the facts or about what he takes the facts to be. What he does necessarily attempt to deceive us about is his enterprise. His only indispensably distinctive characteristic is that in a certain way he misrepresents what he is up to.

This is the crux of the distinction between him and the liar. Both he and the liar represent themselves falsely as endeavoring to communicate the truth. The success of each depends upon deceiving us about that. But the fact about himself that the liar hides is that he is attempting to lead us away from a correct apprehension of reality; we are not to know that he wants us to believe something he supposes to be false. The fact about himself that the bullshitter hides, on the other hand, is that the truth-values of his statements are of no central interest to

шением правды и неправды. Он должен предполагать знание истины, дабы быть в состоянии солгать. Таким образом, чтобы успешно извратить истину, он должен руководствоваться ею самой.

С другой стороны, человек, прибегающий к **брехне** и «вешающий лапшу на уши» для достижения цели, куда свободнее лжеца. Его взгляд, не задерживаясь на частностях, носит скорее панорамный характер. Брехун не ограничивает себя внедрением конкретной неправды в конкретную точку, а значит, и не скован истинами, окружающими это место или пронизывающими его. Он готов, коли надо, подделать и весь контекст. Такая свобода, какую позволяет себе брехун (но не лжец), конечно, не обязательно означает, что его задача легче. Но брехун творит свою **брехню** существенно менее аналитичными и глубокомысленными методами, чем лжец свою ложь. В **брехне** больший размах и независимость, в ней есть полет импровизации, бóльшая красочность и игра воображения. Это не столько мастерство, сколько искусство. Отсюда широко распространенное понятие «артист

him; what we are not to understand is that his intention is neither to report the truth nor to conceal it. This does not mean that his speech is anarchically impulsive, but that the motive guiding and controlling it is unconcerned with how the things about which he speaks truly are.

It is impossible for someone to lie unless he thinks he knows the truth. Producing bullshit requires no such conviction. A person who lies is thereby responding to the truth, and he is to that extent respectful of it. When an honest man speaks, he says only what he believes to be true; and for the liar, it is correspondingly indispensable that he considers his statements to be false. For the bullshitter, however, all these bets are off: he is neither on the side of the true nor on the side of the false. His eye is not on the

(**брехни**)» (*bullshit artist*)*. Мне кажется, что рекомендация, данная Артуру Симпсону, выражает тягу его отца к этому типу креативности, вне зависимости от его выгод или эффективности в сравнении с более жесткой и строгой «дисциплиной» лжи.

Брехня не искажает ни уверенности брехуна в описываемой действительности, ни самой действительности. Это – удел лжи, которая лжива по определению. А **брехня** не обязательно ложна; ее отличие от лжи заключается в цели искажения. Брехун не обязан обманывать (или пытаться обмануть)

* К сожалению, здесь не удается подобрать содержательного русского аналога Буквально bullshit artist означает «художник трепа, брехни»

facts at all, as the eyes of the honest man and of the liar are, except insofar as they may be pertinent to his interest in getting away with what he says. He does not care whether the things he says describe reality correctly. He just picks them out, or makes them up, to suit his purpose.

In his essay

«Lying» Saint Augustine distinguishes lies of eight types, which he classifies according to the

относительно фактов или своих представлений о фактах. Его цель – обмануть насчет своих действий и намерений. Это и есть единственное непременное качество брехуна.

В этом и состоит принципиальное различие между брехуном и лжецом. И тот и другой делают вид, будто их цель – сказать правду. Успех их предприятия зависит от того, удается ли им нас обмануть. Лжец скрывает от нас намерение увести в сторону от верного восприятия реальности: мы не должны знать о его намерении убедить нас в том, что сам он считает ложным. Брехун же скрывает от нас другое – свое безразличие к истине или лживости своих слов; его задача – не дать нам узнать, насколько ему не важно – сообщает он правду или скрывает ее. Из этого не следует, что речь брехуна сбивчива и бессвязна. Это лишь значит, что им движет мотив, никак не связанный с действительным положением дел.

Невозможно солгать, не думая, что знаешь правду. Брехать же можно и без такого убеждения. Лжец как-никак имеет дело с правдой, а значит, проявляет к ней неко-

characteristic intent or justification with which a lie is told. Lies of seven of these types are told only because they are supposed to be indispensable means to some end that is distinct from the sheer creation of false beliefs. It is not their falsity as such, in other words, that attracts the teller to them. Since they are told only on account of their supposed indispensability to a goal other than deception itself, Saint Augustine regards them as being told unwillingly, what the person really wants is not to tell the lie but to attain the goal. They are therefore not real lies, in his view, and those who tell them are not in the strictest sense liars. It is only the remaining category that contains what he identifies as «the lie which is told solely for the pleasure of lying and deceiving, that is, the real lie»[8]. Lies in this category are not told as means to any end distinct from the propagation of falsehood. They are told simply for their own sakes—i.e., purely out of a love of deception:

> There is a distinction between a person who tells a lie and a liar. The former is one who tells a lie unwillingly, while the liar loves to lie and passes his time in the joy of lying.... The latter

торое уважение. Честный человек говорит только то, в чем убежден сам. Лжец соответственно говорит только то, что сам же считает ложным. Брехуну же совершенно все равно: он ни на чьей стороне. Ему безразличны и правда, и ложь. В отличие от честного человека или лжеца, брехун сверяется с фактами лишь там, где это необходимо, чтобы **брехня** сошла ему с рук. Неважно, верно ли его высказывания описывают реальность. Он их подбирает или выдумывает на ходу в зависимости от задачи.

В сочинении «О Лжи» Блаженный Августин различает восемь видов лжи, которую он классифицирует по заложенному в ней намерению или обоснованию, оправдывающему ее. В семь из этих восьми типов входит такая ложь, к которой прибегают, считая ее необходимым средством для достижения некой цели, отличной от прямого введения в заблуждение. Иными словами, лгун применяет ее не из любви к неправде. Так как к подобной лжи обращаются ради мнимой ее необходимости для некой цели (а не просто ради обмана), Блаженный Августин полагает, что она неумышленна, ибо лгун не хотел

takes delight in lying, rejoicing in the falsehood itself[9].

What Augustine calls «liars» and «real lies» are both rare and extraordinary. Everyone lies from time to time, but there are very few people to whom it would often (or even ever) occur to lie exclusively from a love of falsity or of deception.

For most people, the fact that a statement is false constitutes in itself a reason, however weak and easily overridden, not to make the statement. For Saint Augustine's pure liar it is, on the contrary, a reason in favor of making it. For the bullshitter it is in itself neither a reason in favor nor a reason against. Both in lying and in telling the truth people are guided by their beliefs concerning the way things are. These guide them as they endeavor either to describe the world correctly or to describe it deceitfully. For this reason, telling lies does not tend to unfit a person for telling the truth in the same way that bullshitting tends to. Through excessive indulgence in the latter activity which involves making assertions without paying attention to anything except what it suits one to say, a person's normal

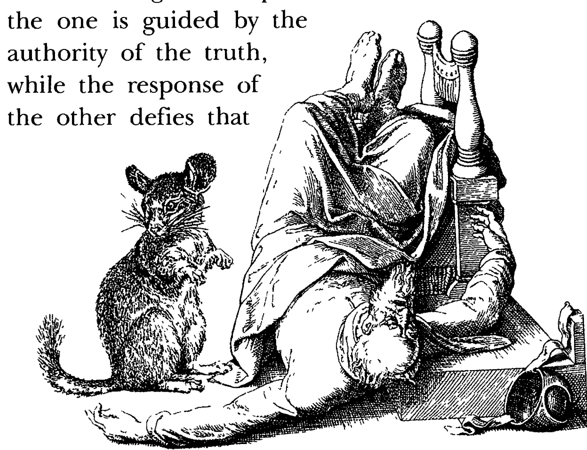
просто солгать, а преследовал цель. Итак, это не настоящая ложь, и прибегающие к ней не являются в строгом смысле лжецами. Но лишь последняя, восьмая категория охватывает то, что он определяет как «ложь исключительно ради удовольствия солгать и обмануть, то есть настоящая ложь»[8]. Ложь этой категории не имеет иной цели кроме пропаганды лживости. Это ложь ради лжи, и к ней прибегают из чистой любви к обману:

> «Имеется различие между лгущим и лжецом. Первый лжет невольно, второй любит лгать и наслаждается ложью... Он получает удовольствие от лжи, упиваясь неправдой как таковой»[9].

«Настоящая ложь» и «лжецы» Августина – чрезвычайно редкое и необычное явление. Каждый время от времени лжет, но весьма немногочисленны люди, которым часто (или вообще когда-либо) приходилось бы лгать только ради любви к неправде или обману.

Для большинства людей ложность утверждения сама по себе является причиной от него воздержаться (пусть слабой и легко

habit of attending to the ways things are may become attenuated or lost. Someone who lies and someone who tells the truth are playing on opposite sides, so to speak, in the same game. Each responds to the facts as he understands them, although the response of the one is guided by the authority of the truth, while the response of the other defies that

authority and refuses to meet its demands. The bullshitter ignores these demands altogether. He does not reject the authority of the truth, as the liar does, and oppose himself to it. He pays no attention to it at all. By virtue of this, bullshit is a greater enemy of the truth than lies are.

преодолимой причиной). Настоящего лжеца из трактата Блаженного Августина ложь, напротив, побуждает к ее утверждению. Для брехуна же она вовсе не причина быть за или против. Как лгущий, так и говорящий правду руководствуются своими представлениями о действительности – в целях ложного или истинного описания мира. Соответственно ложь не так пагубно влияет на способность человека говорить правду, как **брехня**. Пустобрех говорит, не обращая внимания ни на что, кроме того, что выгодно и/или удобно сказать в данный момент. Поэтому пристрастие к **брехне** может вести к ослаблению и даже утрате привычки обращать внимание на реальное состояние вещей. Лгущий и говорящий правду играют как бы в одну игру, но за противостоящие стороны. Действия каждого из них отвечают фактам, как он их понимает, – хотя понимание одного подчиняется авторитету истины, тогда как лжец движим отказом от ее авторитета и попранием ее требований. Брехун же на эти требования просто не обращает внимания. В отличие от лжеца, он не отвергает истины и не противостоит ей. Он ее просто игнорирует.

One who is concerned to report or to conceal the facts assumes that there are indeed facts that are in some way both determinate and knowable. His interest in telling the truth or in lying presupposes that there is a difference between getting things wrong and getting them right, and that it is at least occasionally possible to tell the difference. Someone who ceases to believe in the possibility of identifying certain statements as true and others as false can have only two alternatives. The first is to desist both from efforts to tell the truth and from efforts to deceive. This would mean refraining from making any assertion whatever about the facts. The second alternative is to continue making assertions that purport to describe the way things are, but that cannot be anything except bullshit.

Why is there so much bullshit? Of course it is impossible to be sure that there is relatively more of it nowadays than at other times. There is more communication of all kinds in our time than ever before, but the proportion that is bullshit may not have increased. Without assuming that the incidence of bullshit is actually greater now, I will mention a few con-

Вот почему брехун – еще больший враг истины, чем лжец.

Тот, кто хочет сообщить либо скрыть некие факты, основывается на том, что факты – есть и что они так или иначе определимы и узнаваемы. Его желание говорить правду или лгать подразумевает, что между верной и неверной передачей этих

фактов есть разница, которая, по крайней мере, иногда заметна. А у того, кто разуве-

siderations that help to account for the fact that it is currently so great.

Bullshit is unavoidable whenever circumstances require someone to talk without knowing what he is talking about. Thus the production of bullshit is stimulated whenever a person's obligations or opportunities to speak about some topic exceed his knowledge of the facts that are relevant to that topic. This discrepancy is common in public life where people are frequently impelled— whether by their own propensities or by the demands of others—to speak extensively about matters of which they are to some degree ignorant. Closely related instances arise from the widespread conviction that it is the responsibility of a citizen in a democracy to have opinions about everything, or at least everything that pertains to the conduct of his country's affairs.

рился в возможности отличить истинные утверждения от ложных, остается только два выхода. Первый: оставить в принципе попытки говорить правду либо обманывать. Второй: пытаться и далее утверждать нечто о действительности, какова она есть, одновременно признав, что все такие попытки – не что иное, как та же **брехня**.

Итак, отчего вокруг столько **брехни**? Конечно, нельзя быть уверенным, что сегодня ее больше, чем в другие времена. В наши дни коммуникаций всех видов стало больше, чем когда-либо ранее, но возможно, что доля **брехни** и не выросла. Не основываясь на предположении о росте удельного веса **брехни**, ниже я приведу несколько соображений, помогающих понять, почему **брехня** столь широко распространена.

Брехать неизбежно, покуда обстоятельства вынуждают человека говорить о предмете, о котором он ничего не знает. Таким образом, **брехню** стимулирует та ситуация, когда обязанность или возможность высказаться на некоторую тему превосхо-

The lack of any significant connection between a person's opinions and his apprehension of reality will be even more severe, needless to say, for someone who believes it his responsibility, as a conscientious moral agent, to evaluate events and conditions in all parts of the world.

The contemporary proliferation of bullshit also has deeper sources in various forms of skepticism which deny that we can have any reliable access to an objective reality, and which therefore reject the possibility of knowing how things truly are. These «antirealist» doctrines undermine confidence in the value of disinterested efforts to determine what is true and what is false, and even in the intelligibility of the notion of objective inquiry. One response to this loss of confidence has been a retreat from the discipline required by dedication to the ideal of *correctness* to a quite different sort of discipline which is imposed by pursuit of an alternative ideal of *sincerity*. Rather than seeking primarily to arrive at accurate representations of a common world, the individual turns toward trying to provide honest representations of himself. Convinced that reality has no inherent nature, which he might hope to identify as the truth about things, he devotes him-

дит знания говорящего о фактах, существенных для этой темы. Это противоречие обычно для публичной жизни, участники которой часто вынуждены – по личной склонности или под давлением окружения – подробно обсуждать вещи, в которых они в той или иной степени невежественны. Ситуации такого рода возникают в результате широко распространенного предрассудка, что в демократическом обществе гражданский долг каждого – иметь мнение если не обо всем вообще, то по крайней мере обо всем относящемся к делам его страны. Отсутствие сколько-то достоверной связи между личными мнениями человека и его пониманием реальности ведет к еще более серьезным последствиям, когда он уверен в своей способности как существа сознательного и морального оценивать события и обстоятельства в любой части света.

Современная повсеместность **брехни** имеет и более глубокие корни в скептицизме всех мастей, отрицающем возможность надежного доступа к объективной реальности, а значит, и отказ от понимания того, «каковы вещи на самом деле». Эти «ан-

self to being true to his own nature. It is as though he decides that since it makes no sense to try to be true to the facts, he must therefore try instead to be true to himself.

But it is preposterous to imagine that we ourselves are determinate, and hence susceptible both to correct and to incorrect descriptions, while supposing that the ascription of determinacy to anything else has been exposed as a mistake. As conscious beings, we exist only in response to other things, and we

тиреалистические» доктрины подрывают убеждение в ценности беспристрастных попыток узнать, что истинно и что ложно, лишая смысла даже само понятие «объективного исследования». Одной из реакций на утрату этой уверенности стал отказ от мировоззрения, основанного на идеале *истинности*, в пользу совершенно отличной системы взглядов, необходимой в погоне за альтернативным идеалом – *искренностью*. Если раньше человек стремился представить некую точную картину мира, общего для всех, то теперь он старается лишь честно выразить самого себя. Убежденный в отсутствии у действительности какой-либо внутренней природы, отождествимой с истиной, он всецело отдался попыткам выражения собственной природы. Человек как будто решил: раз уж верность фактам лишена смысла, надо быть верным себе.

Впрочем, было бы нелепо вообразить, будто нам самим присуща определенность и что, следовательно, нас можно описать истинно или ложно, – при том что мы же сами заклеймили ошибкой приписывание

cannot know ourselves at all without knowing them. Moreover, there is nothing in theory, and certainly nothing in experience, to support the extraordinary judgment that it is the truth about himself that is the easiest for a person to know. Facts about ourselves are not peculiarly solid and resistant to skeptical dissolution. Our natures are, indeed, elusively insubstantial—notoriously less stable and less inherent than the natures of other things. And insofar as this is the case, sincerity itself is bullshit.

вообще чему бы то ни было свойства определенности. Мы – существа, движимые сознанием. Наше существование – лишь реакция на факты вне нас: мы не сможем познать себя, не познав их. Более того, ничто ни в теории, ни тем более на практике не подтвердило весьма странного утверждения, будто человеку «легче всего дается правда о самом себе». Вот именно «факты о себе» первыми легко рассыпаются под устремленным на них скептическим взглядом. Наша собственная природа ускользающа, бестелесна, она куда менее тверда и незыблема, чем природа всего остального. А коли так, искренность – та же **брехня**.

примечания

1. Black M. The Prevalence of Humbug. Ithaca: Cornell University Press, 1985.
2. Там же. С. 143.
3. Эти слова Витгенштейна цитируются Норманом Малькольмом в его введении к Воспоминаниям о Витгенштейне (Recollections of Wittgenstein /Ed. by R. Rhees. Oxford: Oxford University Press, 1984. P. XIII.
4. Pascal F. Wittgenstein: A Personal Memoi // Rhees R. Recollections. P. 28–29.
5. Заметим, что включение «неискренности» в качестве одного из определяющих свойств понятия bull («туфта»), видимо, подразумевает, что она не бывает неумышленной. Ведь трудно себе представить неумышленную, нечаянную неискренность.
6. Вот контекст, в котором фигурируют эти строки:

«Les Albigeois (фр., альбигойцы), историческая проблема, / флот при Саламине, построенный на деньги, ссуженные государством судостроителям / Tempus tacendi, tempus loquendi (лат., время говорить, время молчать) / никогда внутри страны не поднимать уровень жизни, / а всегда за рубежом увеличивать доходы ростовщиков / dixit Lenin (лат., рек Ленин), / а продажа пушек ведёт снова к продаже пушек / они не загромождают рынок оружия / насыщения не наступает / Пиза, на 23-й год возни вокруг башни / вчера повесили Тилла / за убийство и изнасилование с прибамбасами плюс Холкида / плюс мифология, думали, это был Зевс овен или другой кто / Чо в библии-то, а, Снэг? / Чо там за книги в библии? Назови-ка их, мне-то не бреши».

7. Ambler E. Dirty Story. I. III. 25, 1967. Цитируется по той же статье в Оксфордском словаре, где приводится отрывок из Паунда. Близость между брехней и блефом, как я полагаю, особенно выпукло проявляется в параллелизме идиом: «bullshit your way through» и «bluff your way through».
8. «Lying», в книге Treatises on Various Subjects, Fathers of the Church / Ed. by R. J.

Deferrari.Vol. 16. New York: Fathers of the Church, 1952. P. 109. Блаженный Августин утверждает, что такая ложь – менее тяжкий грех, чем ложь одного из трех предложенных им видов, но более тяжкий, чем ложь остальных четырех видов.

9. Там же. P. 79.

о гарри франкфурте

«...Когда пронзительнее свиста я слышу английский язык...»

Три года назад, собираясь перевести и издать на русском с виду вполне академичное эссе, мы на самом деле не знали, во что ввязались. Автор неброской брошюры – Гарри Гордон Франкфурт, профессор философии в Йеле, в 2005-м выпустил в респектабельном издательстве Принстонского университета исследование «О брехне» (или, если угодно, «О х**не») – вещь, по сути, глубоко скандальную.

Буквально за несколько дней книга стала бестселлером в самых разных аудиториях, вызвав жесточайшую дискуссию в прессе, не сопоставимую по своему резонансу ни с одной из предшествующих работ этого автора. Франкфурт породил це-

лый круг тем и оппонентов / продолжателей / пайщиков «херниaнства» – универсального понятия, с его легкой руки пущенного в академический обиход. Случай Франкфурта уникален и не вписывается в какие-либо привычные рамки кампусов; неприменимы к нему и образовательные стандарты, что сложились сегодня в российской интеллектуальной среде. В чем же парадоксальность успеха?

Гарри Франкфурт принадлежит к числу наиболее авторитетных ученых второй половины XX века. И одновременно это человек из породы «анфан террибль» – амплуа, вполне допустимое в американской культуре, парадоксально сочетающей многолетние устои, научные традиции и эпатаж.

«Анфан-терриблизм» – тяжелое бремя. Это стратегия. Личный бренд, требующий постоянного подтверждения и обновления. Франкфурт серьезно и последовательно поддерживает свою двойную репутацию. И монография «On bullshit» – вполне продуманный маркетинговый ход.

Что такое «брехня» по Франкфурту? Брехня – чуть ли не ключевая проблема современности, ее основа, ее базовая субстанция, ее вязкая середина, ничейная территория. Кругом брехни слишком много, все об этом знают, все ее порождают и принимают как данность: не умышленное

злодейство, не специальный обман, а скорее цепная реакция, опасный вирус, действие которого мы испытываем на себе и влипаем в соблазн «брехни» постоянно. Непреднамеренность, отсутствие задачи, спонтанность... Инфицированный этой заразой вдохновенно блокирует реальность.

Эффективность философских инструментов Франкфурта как раз в том, что он показывает, где и как происходит заражение. «Брехня» – изощренная провокация и одновременно интеллектуальный путеводитель, описание многообразных способов производства брехни.

Когда мы раскусили, с чем имеем дело, было уже поздно: одна переводческая неудача сменяла другую. Чем старательнее и точнее пытались приблизиться к оригиналу, тем больше замутнялся смысл и очевиднее становилось языковое несовпадение. Отсутствие целых пластов и культурных практик чрезвычайно затрудняло адекватную передачу того изощренного стилистического симбиоза, что представил Франкфурт одновременно в жанре интеллектуального стеба и академического циркуляра. Михаил Даниэль, переводчик, один из попавших в лингвистические ловушки франкфуртовского текста, выразительно описал свой поучительный опыт переводческого бессилия:

В ходе работы над этим переводом я столкнулся со сложностью, трудно преодолимой в рамках действующего законодательства.

Как лингвист, часто работающий с самыми разными, в том числе так называемыми малыми языками, я не склонен разделять распространенную точку зрения, что в каком-то самом общем смысле языки бывают более или менее выразительными. Символ веры лингвиста моей специализации заключается в том, что любой смысл, любой сколь угодно сложный концепт можно так или иначе выразить на любом живом языке.

Это не значит, конечно, что слова легко переводятся с языка на язык. Истолковать средствами языка можно все что угодно, но найти слово или выражение, языковые характеристики которого (коннотации, регистр, узус, словообразовательные возможности) достаточно точно соответствуют языковым характеристикам переводимого слова – что необходимо для создания читаемого и внятного перевода (работа, лежащая где-то на пересечении философии, лексикографии и игры), – не только трудно, это почти никогда не возможно.

При попытке найти удобный переводной эквивалент для концепта, обозначаемого английским словом bullshit, которому посвящен данный текст, я обнаружил, что наиболее точные и близкие по сфере употребления эквиваленты лежат в сфере ненормативной лексики. Русские выражения «гнать туфту или пургу» или «пудрить мозги» слишком периферийны и литературны, для того чтобы сколько-нибудь точно отразить узус английского отыменного глагола «to bullshit». Зато близко к английскому концепту bullshit находятся, по-видимому, глагол «пиздеть» и его именной дериват «пиздеж», хотя в них, по сравнению с bullshit, слишком силен компонент недоверия к тому, кто «пиздит». Для «пиздеть» слишком важным оказывается фактор соответствия истине, который, как показывает Франкфурт, не является центральным для английского bullshit. С другой стороны, но не менее близко, подходит к концепту bullshit выражение «ебать мозги»; оно было бы тем более удобным, так как у него есть достаточно употребительный дериват «мозгоеб» (который оказывается хорошим эквивалентом английского bullshitter) и вполне узнаваемое, хотя и искусственное, имя действия «мозгоебство» (соответствующее английскому имени действия bullshitting). Зато собственно английскому bullshit в этом словарном гнезде, к сожалению, ничего не соответствует. Кроме того, в «ебать мозги» слышатся некоторая настойчивость, упорство, свойственное мозгоебу, в то время как bullshitter занимается своим делом как свободный художник. Как бы то ни было, все наиболее точные с точки зрения той ниши, которую они за-

нимают в речевой деятельности, переводные эквиваленты английского bullshit обсценны. Значит ли это, что в русской жизни пиздежа и мозгоебства меньше, чем bullshit'а в англоязычном мире? Возьму на себя смелость предположить, что это не так. Значит ли это, что мозгоебство занимает в русскоязычном универсуме какое-то иное место? Во всяком случае только из того, что концепты «ебать мозги» и «пиздеть» выражаются ненормативной лексикой, этого не следует, так как русский язык вообще, как известно, включает в сферу обсценного самые разные значения (не только традиционные обозначения совокупления, но и, например, значения сильного контакта, перемещения и др.) А взвешенный ответ о месте феноменов, аналогичных английскому bullshit, в русской коммуникативной культуре требует специального исследования русского материала, аналогичного тому, что провел Франкфурт.

*Как бы то ни было, использование в качестве основного переводного эквивалента bullshit слов «пиздеж», «мозгоебство», «х**ня» и других было бы сопряжено с определенным риском. Насколько мне известно, российское законодательство не предусматривает обстоятельств, которые делали бы возможным употребление этих слов в печатном тексте (кроме, возможно, обсуждения правового статуса ненормативной лексики, то есть в метадискурсе, как выше и ниже в настоящей*

записке). Остается только парадоксальным образом пожалеть о том, что перед законом все равны – и прохожий на улице, и писатель, и филолог. Вспоминается анекдот шестидесятых годов про лингвиста, который никак не мог защитить диссертацию по обсценной лексике, так как всякий раз сразу после вступительного слова его сажали на пятнадцать суток за хулиганство.

Поскольку языковые изменения, либерализующий вектор которых в современном русском языке очевиден, законом регулируются плохо, можно предположить, что через двадцать-тридцать лет все вышеперечисленные слова окажутся столь же допустимыми в печатном русском тексте, как в английском bullshit сегодня...

Елена Пенская

The New York Times

«Те, кто создает брехню, вне всякого сомнения, неискренние люди, но они и не лжецы – с учетом того, что и лжец, и честный человек по сути своей связаны друг с другом, если не сказать, что они близнецы, когда речь идет об истине».

Питер Эдидин

THE SUNDAY TIMES

«Я сразу же должен заявить: прочитайте ее. Прекрасно написанная, понятная, ироничная и сильная книга, это пример того, какой философия может и должна быть. Это маленький и в высшей степени провокационный шедевр, и в этих моих словах нет брехни».

Брайан Эпплъярд

PLAYBOY

«Вот то, что мы все так долго ждали... Брехня стала настолько доминирующей силой нашей культуры, что большинство из нас уверено, что мы умеем распознавать ее и давать ей отпор. Но Франкфурт показывает читателю, сколь коварной (и разрушительной) может быть брехня... Эта книга изменит вашу жизнь».

Леопольд Фролик

